

Памяти Мичурина

Юбилейные концерты Государственного квартета имени Бородина в Большом зале консерватории

Юлия Бедерова

П о случаю 50-летия своего творческого существования бородинцы, занесенные в бульварный рекордник Гиннеса как старейший камерный коллектив, два вечера играли известное и любимое, возвышенное и неземное: обожаемого камерными музыкантами Шоссона с Виктором Третьяковым и Александром Слободяником, Шуберта с Гидоном Кремером и Мстиславом Ростроповичем, Чайковского с тем же Ростроповичем и Юрием Башметом. Кроме бисов прозвучал только один квартет — Двенадцатый Шостаковича. Два вечера амфитеатры БЗК ломались под тяжестью публики. Столпотворение случилось редкостное. Но вполне адекватное уникальности самих бородинцев — они из немногих, принадлежащих к исчезающему

племени великих советских музыкантов. Тех, кто спровоцировав невероятный технический прогресс в деле исполнения классики, своим творчеством навел мысли о вечном и оправдывал расхожее определение «серьезная музыка» вместе с противопоставлением ей всего прочего — «несерьезного». Ясное дело, погрузиться в тающий на глазах, некогда замкнутый мир академического искусства, выстроенный на строго обязательном повторении канонизированных музыкальных текстов, на повторении словно молитвы, обещающем просветление, — упойтельно и успокоительно. Те же музыки-штампы, музыки-символы. Тот же тон исповедания истины, то же восхитительное техническое совершенство, та же неподражаемая гармония красоты звука, тепла сердца и все-поверяющего разума. Что бы ни звучало в исполнении квартета им. Бородина — эстрадолюбивый Шоссон, светлепальный Шуберт или трагиче-

ский Шостакович, — все будет классицизм (по крайней мере как стиль исполнения): иерархия смыслов и чувств, высшие истины через жесткую нормативность. Тем более что за годы жизни квартета менялся его состав (нынешний — Михаил Копельман, Андрей Абраменков, Дмитрий Шебалин и Валентин Берлинский — держится с середины 70-х), но никак не изменились основы: репертуар, лучшее в котором — квартеты Бетховена, Шостаковича и сверхтрудный, но идеально сделанный Бородин, и принцип — «левее Шнитке» никого не играть; почти совершенные фразировка и интонация, выражающие сдержанную, но проникновенную эмоциональность. В московских концертах бородинцы собрали вокруг себя всех, кого могли и хотели из разбредавшегося по миру племени, начав, конечно, с Ростроповича (оказалось, 50 лет назад будущий мэтр две недели играл в квартете, пока его не сменил Берлинский). С переменным успехом возникали целостные ансамбли. С меньшим — в захватывающих динамизмом и красотами ненормированных звучаниях Шоссона, где солирующая скрипка Третьякова страдала неизменно и волнительно, словно юный Вертер, фортепианная партия под пальцами Слободяника, напротив, была исполнена дендизма, скептицизма и жесткого конструктивизма, а квартет легкостью и простотой заполнял разверзающуюся стилистическую пропасть. Больше повезло Чайковскому: секстет «Воспоминание о Флоренции» с Ростроповичем и Башметом звучал исключительно красиво, хоть и несколько равнодушно. Впрочем, таким, наверно, и должно быть воспоминание — приятным и отстраненным. Шуберт же получился и вовсе чудесный: до-мажорный квинтет с Ростроповичем звучал сиятельно и певуче. Ведь таким и положено быть песенному гению. Адажио и рондо с Кремером сыгралось мягко и трепетно. Потому что таким и должен быть ранний романтик. Квартет Шостаковича тоже был таким, каким и должен быть — философически трагическим. Все радовало близостью к совершенству. Другой вопрос — как при такой установке на некую правильность бородинцам удастся сохранить музыку живой. И почему их последователям, так же устремленным к техническому и интерпретаторскому совершенству, эта живость никак не дается. А говорят, от осинки не родятся апельсинки. Еще как рождаются. Или же в той осинке изначально заложены свойства будущей апельсинки. Что вполне вероятно. И понятно, что стремление к должному, как идеалу, может разродиться вполне великой раннесоветской музыкальной школой, а может обернуться поздним ее вариантом. Когда главенствуют высокие технологии, а основополагающий символ — Sony Classic. Будь он хоть трижды японский — совершенно не суть.

АЛЕКСАНДР ДЕДУШЕВ